

Похороны Великой Мамы (сборник)

Автор:

[Габриэль Маркес](#)

Похороны Великой Мамы (сборник)

Габриэль Гарсия Маркес

Один из самых известных сборников рассказов Маркеса.

Магический реализм великого колумбийца в этих рассказах доведен до совершенства. Маркес играет сюжетами, характерами, смешивает реальное и фантастическое, гротескное и обыденное в самых неожиданных пропорциях.

«День после субботы», «Искусственные розы», «В нашем городке воров нет» – классические произведения «малой прозы» XX столетия.

Но главным украшением сборника, конечно же, остается рассказ «Похороны Великой Мамы», который входит в число лучших произведений Маркеса.

Габриэль Гарсия Маркес

Похороны Великой Мамы (сборник)

Послеполуденный зной во вторник

Поезд, выехав из дрожащего коридора ярко-красных скал, углубился в банановые плантации, бесконечные и одинаковые, и тогда воздух сделался влажным и перестал ощущаться ветерок с моря. В окно вагона ворвался

удушающий дым. По узкой дороге рядом с рельсами волны тянули повозки, доверху нагруженные зеленоватыми гроздьями бананов. За дорогой, на ничем не засаженной и потому какой-то неуместной здесь земле, стояли конторы с электрическими вентиляторами внутри, казармы из красного кирпича и проглядывающие среди пыльных розовых кустов и пальм террасы с белыми столиками и стульями. Было одиннадцать часов, и жара еще не началась.

– Лучше поднять стекло, – сказала женщина. – А то у тебя все волосы будут в саже.

Девочка попыталась, но заржавевшая рама не сдвинулась с места.

Кроме них, пассажиров в этом простом вагоне третьего класса не было. Дым из паровозной трубы по-прежнему вливался в окошко, и девочка поднялась с места и положила на свое сиденье вещи – пластиковую сумку с едой и обернутый газетой букет цветов. Она пересела на скамейку напротив, подальше от окна, лицом к матери. Обе были в бедном и строгом трауре.

Девочке было двенадцать лет, и в поезде она ехала впервые. Веки у женщины были в синих прожилках, а ее тело, маленькое, дряблое и бесформенное, облекало платье, скроенное как сутана. Было непохоже, что она мать девочки, – для этого она казалась слишком старой. Она сидела так, словно позвоночник прирос к спинке скамьи, и обеими руками держала на коленях когда-то лакированный, а теперь облезлый портфель. Лицо выражало полное спокойствие, присущее людям, живущим в бедности.

В двенадцать началась жара. Для пополнения запаса воды поезд остановился на десять минут на каком-то полустанке. Снаружи, в таинственном молчании плантаций, тени были необыкновенно чистыми, а внутри вагона застоявшийся воздух пах невыделанными кожами. Дальше поезд двинулся, уже не набирая большой скорости. Два раза он останавливался в одинаковых городках, деревянные дома которых были выкрашены яркими красками. Женщина, уронив голову на грудь, задремала. Девочка сняла туфли, пошла в туалетную комнату и положила увядшие цветы в воду.

Когда она вернулась, мать уже ждала ее: пора было есть. Она дала девочке кусок сыра, кусок мясного пирога из маисовой муки и сладкое печенье. То же самое достала из пластиковой сумки для себя. Они начали есть, а поезд тем

временем очень медленно миновал стальной мост и покати́л через новый городок, точно такой, как прежние, с той лишь разницей, что на площади в нем толпился народ. Под расплавляющим все и вся солнцем играли что-то веселое музыканты. За городком, на иссушенной равнине, плантаций уже не было.

Женщина перестала есть.

– Обуйся, – сказала она.

Девочка посмотрела в окно. Она увидела только голую равнину; поезд снова начал набирать скорость, однако она положила недоеденное печенье в сумку и обулась. Мать дала ей расческу.

– Причешись.

Девочка стала причесываться, и в эту минуту паровоз засвистел. Женщина вытерла потную шею и блестящее от жира лицо. Едва только девочка закончила причесываться, как в окне замелькали первые дома нового городка, большего по размерам, но еще более унылого, чем прежние.

– Если тебе нужно что-нибудь сделать, сделай это теперь, – сказала мать. – Потом, даже если ты будешь умирать от жажды, не проси ни у кого воды. И самое главное – не плачь.

Девочка кивнула. В окна сквозь свистки паровоза и подрагивание старых вагонов врвался обжигающий сухой ветер. Женщина свернула сумку с остатками еды и убрала ее в портфель. На мгновение в окне засиял и погас весь городок, такой, каким он был в этот пронизанный светом августовский вторник. Девочка завернула цветы в мокрую газету, отсела еще дальше от окна и пристально посмотрела на мать. Та ответила ей спокойным, ласковым взглядом. Свисток оборвался, и поезд начал замедлять ход. Вскоре он остановился.

На станции не было ни одного человека. На противоположной стороне улицы, затененной миндальными деревьями, открыта была только бильярдная. Городок плавал в зное. Женщина и девочка вышли со станции, пересекли мостовую, булыжник которой уже начинал разрушаться от напора травы, и оказались в тени – на тротуаре.

Было почти два часа пополудни. В это время дня городок, придавленный к земле оцепенением сна, передавался сиесте. Лавки, учреждения, муниципальная школа закрывались в одиннадцать и открывались лишь незадолго до четырех, когда поезд возвращался. Открытыми оставались гостиница напротив станции, буфет в ней, бильярдная и тут же, на площади, но чуть сбоку, почта. В домах, построенных по стандарту банановой компании, закрывали двери и спускали шторы. В некоторых было так жарко, что обитатели их обедали в патио. Другие располагались на стульях в тени миндальных деревьев, прямо на улице, и там проводили часы сиесты.

Стараясь идти в тени и ничем не нарушать отдыха жителей, женщина с девочкой зашагали по городку. Они направились прямо к дому священника. Мать провела ногтем по металлической сетке, которой была затянута дверь, подождала немного и сделала то же самое снова. Внутри жужжал электрический вентилятор. Она не услышала шагов, только дверь скрипнула где-то внутри дома, а затем совсем близко, прямо за металлической сеткой, настороженный голос спросил:

– Кто там?

Мать попыталась разглядеть того, кто пошел.

– Мне нужен падре, – ответила она.

– Он сейчас спит.

– У меня срочное дело. – Ее голос звучал спокойно, но настойчиво.

Дверь приоткрылась, и они увидели полную коренастую женщину; кожа у нее была очень бледная, а волосы стального цвета. За толстыми стеклами очков ее глаза казались совсем маленькими.

– Войдите. – И она распахнула дверь.

Они шагнули в комнату, пропахшую увядшими цветами. Женщина подвела их к деревянной скамье со спинкой и жестом пригласила сесть. Девочка села, но мать продолжала стоять, сжимая в руках портфель, погруженная в свои мысли.

Никаких звуков, кроме жужжания вентилятора, не доносилось.

Дверь, ведущая в другие комнаты, открылась, и на пороге опять появилась та же женщина.

- Говорит, чтобы вы пришли после трех, - тихо произнесла она. - Он лег пять минут назад.

- Поезд уходит в половине четвертого, - проговорила мать.

Ее слова прозвучали коротко и уверенно, но в голосе, все таком же мирном, значения было больше, чем в словах. Впервые женщина, впустившая их в дом, улыбнулась.

- Хорошо, - сказала она.

Дверь за ней закрылась, и теперь мать села около девочки. В узкой, бедно обставленной приемной было опрятно и чисто. По ту сторону деревянного барьера, делившего комнату надвое, стоял рабочий стол, простой, покрытый клеенкой, а на нем - пишущая машинка старого образца и ваза с цветами. Дальше, за столом, стояли приходские архивы. Чувствовалось, что порядок в кабинете поддерживает женщина одинокая.

Дверь снова открылась, и на сей раз, протирая носовым платком стекла очков, вышел священник. Только когда он надел очки, стало ясно, что он родной брат женщины, которая их впустила.

- Что вам угодно? - спросил он.

- Ключи от кладбища, - ответила мать.

Девочка продолжала сидеть, цветы лежали у нее на коленях, а ноги под скамейкой были скрещены. Священник посмотрел на нее, потом на мать, а затем, сквозь металлическую сетку, затягивавшую окно, на безоблачное, ослепительно яркое небо.

- В такую жару, - сказал он. - Могли бы подождать, пока солнце опустится.

Мать покачала головой. Священник прошел за барьер, достал из шкафа тетрадь в клеенчатой обложке, деревянный пенал, чернильницу и сел за стол. Волос на голове у него было мало, зато они в избытке росли на руках.

- Чью могилу хотите посетить? - спросил он.

- Карлоса Сентено, - ответила мать.

- Кого?

- Карлоса Сентено.

Падре по-прежнему не понимал.

- Вора, которого убили здесь в городке на прошлой неделе, - объяснила женщина. - Я его мать.

Священник пристально посмотрел на нее. Она ответила ему таким же взглядом, спокойная и уверенная в себе, и падре залился краской. Он опустил голову и начал писать. Заполняя страницу в клеенчатой тетради, он спрашивал у женщины, кто она и откуда; она отвечала без запинки, точно и подробно, словно читая по написанному. Падре начал потеть. Девочка расстегнула левую туфлю, подняла пятку и наступила на задник. То же самое она сделала и правой ногой.

Все началось в понедельник на прошлой неделе, в нескольких кварталах от дома священника. Сеньора Ребека, одинокая вдова, жившая в доме, полном всякого хлама, услышала сквозь шум дождя, как кто-то пытается открыть снаружи дверь ее дома. Она поднялась с постели, нашла на ощупь в гардеробе старинный револьвер, из которого никто не стрелял со времен полковника Аурелиано Буэндия, и, не включая света, двинулась к двери. Ведомая не столько звуками в замочной скважине, сколько страхом, развившимся у нее за двадцать восемь лет одиночества, она определила в темноте, не подходя близко, не только где находится дверь, но и где расположена в ней замочная скважина. Сжав револьвер обеими руками и выставив его вперед, вдова зажмурилась и нажала на спусковой крючок. Стреляла она впервые в жизни. Когда прогремел выстрел, она сначала не услышала ничего, кроме шепота мелкого дождя на цинковой крыше. Потом на зацементированную площадку перед дверью упал

какой-то небольшой металлический предмет, и спокойный, но невероятно усталый голос очень тихо произнес: «Ой, мама!» У человека, которого на рассвете нашли мертвым перед ее домом, был расплющенный нос, на нем была фланелевая, в разноцветную полоску рубашка и обыкновенные штаны, подпоясанные вместо ремня веревкой, и еще он был босой. Никто в городке его не знал.

– Так, значит, звали его Карлос Сентено, – пробормотал падре.

– Сентено Айяла, – уточнила женщина. – Он был единственный мужчина в семье.

Священник повернулся к шкафу. На гвозде, вбитом в дверцу, висели два больших ржавых ключа. Именно такими представляли девочка и ее мать, да и, наверное, когда-то сам священник ключи святого Петра. Он снял их, положил на открытую тетрадь, лежавшую на барьере, и, взглянув на женщину, ткнул пальцем в исписанную страницу.

– Распишитесь вот здесь.

Женщина, зажав портфель под мышкой, стала неумело выводить свое имя. Девочка взяла цветы в руки, подошла, шаркая, к барьеру и внимательно посмотрела на мать.

Падре вздохнул.

– Никогда не пытались вернуть его на правильный путь?

Закончив писать, женщина ответила:

– Он был очень хороший.

Несколько раз переведя взгляд с матери на дочь, падре с жалостью и изумлением убедился в том, что плакать ни та, ни другая не собираются. Тем же неизменно ровным тоном женщина продолжала:

– Я ему говорила, чтобы никогда не крал у людей последнюю еду, и он меня слушался. А раньше, когда он был боксером, его, бывало, так отделают, что по

три дня не мог встать с постели.

- Ему все зубы выбили, - добавила девочка.

- Это правда, - подтвердила мать. - Для меня в те времена у каждого куска был привкус ударов, которые получал мой сын в субботние вечера.

- Неисповедимы пути Господни, - вздохнул священник.

Но сказал он это не очень уверенно, отчасти потому, что опыт сделал его немного скептиком, а отчасти из-за жары. Он посоветовал им покрыть чем-нибудь головы, чтобы избежать солнечного удара. Объяснил, позевывая и уже почти засыпая, как найти могилу Карлоса Сентено. На обратном пути, сказал он, им достаточно будет позвонить в дверь и просунуть под нее ключ, а также, если есть возможность, милостыню для церкви. Женщина выслушала его очень внимательно, но поблагодарила без улыбки.

Направляясь к наружной двери, падре увидел, что внутрь глядят какие-то дети, прижавшись к металлической сетке носами. Когда он открыл дверь, дети бросились врассыпную. Обычно в это время на улице не было ни души. Сейчас, однако, там были не только дети. Под миндальными деревьями стояли небольшие группы людей. Падре окинул взглядом улицу, преломленную в призме зноя, и мягким движением снова затворил дверь.

- Подождите минутку, - сказал он, не глядя на женщину.

Дверь в глубине дома открылась, и оттуда вышла его сестра; поверх ночной рубашки она набросила черную кофту, а волосы у нее были теперь распущены и лежали на плечах. Она молча посмотрела на священника.

- Что случилось? - спросил он.

- Люди поняли, - прошептала сестра.

- Лучше им выйти через патио, - произнес падре.

- Да все равно все повысовывались в окна.

Похоже, мать поняла это только теперь. Она вглядывалась в сетку, пытаясь рассмотреть, что происходит на улице. Потом взяла у девочки цветы и пошла к двери. Девочка двинулась за ней следом.

- Подождите, пока солнце опустится, - сказал падре.

- Вы расплавитесь, - добавила, стоя неподвижно в глубине комнаты, его сестра. - Я вам зонтик одолжу.

- Спасибо, - кивнула женщина. - Нам и так хорошо.

Она взяла девочку за руку, и они вышли на улицу.

Один из этих дней

Наступивший понедельник был теплым, волглым, но без дождя. Дон Аурелио Эскобар, недипломированный дантист, всегда поднимавшийся рано, открыл свой кабинет в шесть часов. Он извлек из стеклянного шкафа гипсовую форму с искусственной челюстью и пригоршню инструментов, которые аккуратно разложил на столе по размеру, от больших до маленьких, как на выставке. Прямой, сухощавый, он был в рубашке без воротничка, застегнутой на позолоченную пуговицу вверху, и брюки с эластичными подтяжками. Взгляд его был замкнут и словно обращен в себя, как это бывает у глухих.

Придвинув бормашину к вращающемуся креслу, он принялся шлифовать челюсть. Трудился упорно, непрерывно, нажимая на педаль бормашины, даже когда в этом не было необходимости.

Но лицо оставалось непроницаемо равнодушным, будто его не занимало то, чем он занят.

После восьми часов он сделал перерыв, взглянул через окно на небо и увидел двух грифов, которые сушили перья на соседней крыше. Снова взялся за шлифовку, думая о том, что до обеда скорее всего опять польет дождь. Из

раздумчивости вывел его ломающийся голос одиннадцатилетнего сына:

- Папа!

- Что?

- Алькальд спрашивает, вырвешь ли ты ему зуб?

- Скажи, меня нет.

Теперь дантист вытачивал золотую коронку. Держа в вытянутой руке, прищурившись, он внимательно рассматривал ее. Из приемной вновь донесся голос сына:

- Говорит, ты здесь, он слышал.

Дантист продолжал рассматривать зуб. Лишь отложив его на стол с готовыми заказами, он ответил:

- Тем лучше.

И вновь взялся за бор. Вынув из картонной коробки, где хранились заготовки, мост с несколькими золотыми зубами, он начал тщательно шлифовать его.

- Папа!

- Что?

Выражение лица дантиста оставалось неизменным.

- Он говорит, если ты не вырвешь ему зуб, то он тебя застрелит.

Не спеша, совершенно спокойно дантист снял ногу с педали, чуть откатил бормашину от кресла и вытянул выдвижной ящик стола. Там лежал револьвер.

- Хорошо, - сказал он. - Скажи, пусть заходит.

Развернув кресло так, чтобы сесть лицом к двери, он положил руку на бортик ящика. На пороге появился алькальд. Его левая щека была чисто выбрита, правая, распухшая, покрыта темной пятидневной щетиной. В обесцвеченных болью и бессонными ночами глазах бледно мерцало отчаяние. Кончиками пальцев дантист задвинул ящик стола и, смягчившись, произнес:

- Присаживайтесь.

- Добрый день, - сказал алькальд.

- Добрый.

В ожидании, пока прокипятятся инструменты, алькальд прислонил затылок к подголовнику кресла и почувствовал себя лучше. Вдохнув насыщенный охлаждающими парами эфира воздух, осмотрелся. Обстановка кабинета была убогой: старый деревянный стул, бормашина с педальным приводом и стеклянный шкаф с фаянсовыми флакончиками. Напротив стула стояла ширма в человеческий рост, заслоняющая окно. Когда дантист придвинулся, алькальд, крепко упершись пятками в пол, открыл рот.

Дон Аурелио Эскобар повернул его лицо к свету. Осмотрев больной зуб, он осторожно надавил пальцами на воспаленную челюсть.

- Придется обойтись без анестезии, - проговорил он.

- Почему?

- Потому что у вас абсцесс.

Алькальд посмотрел ему в лицо.

- Хорошо. - И выдавил улыбку.

Дантист никак не среагировал. Он перенес на рабочий стол кастрюльку с прокипяченными инструментами и пинцетом неторопливо извлек их из воды один за другим. Мыском ботинка пододвинул плевательницу и направился к

умывальнику, чтобы вымыть руки. На алькальда он не взглянул ни разу. Тот же неотрывно на него смотрел.

Болел нижний зуб мудрости. Дантист приблизился, встал поосновательнее и положил на зуб горячие щипцы. Ощувив леденящую бездну внутри и судорогу в ногах, алькальд вцепился пальцами в подлокотники кресла, но не издал ни звука. Дантист слегка шевельнул зуб. Без злости, скорее печально, с горечью он произнес:

- Сейчас вы заплатите за двадцать убитых, лейтенант.

Алькальд услышал внутри своего черепа хруст, и слезы заполнили глаза. Он стал задыхаться, хотел вдохнуть, но не смог, пока не почувствовал, что зуба больше нет. Сквозь пелену слез он посмотрел на дантиста. Ничтожным показалось то, что он испытывал пять прошлых ночей, по сравнению с этой болью. Взмокнув, глотая воздух, алькальд расстегнул френч, наклонился над плевательницей и стал шарить по карманам в поисках платка. Дантист протянул ему чистый.

- Вытрите слезы, - сказал он.

Алькальд вытер. Пальцы его дрожали. Пока дантист мыл руки над тазом, алькальд разглядывал голубое небо за окном и вблизи - пыльную паутину с яйцами паука и мертвыми насекомыми. Дантист подошел, вытирая руки.

- Режим постельный, - произнес он, - полоскание соленой водой.

Алькальд встал, попрощался, мрачно приложил руку к козырьку и направился к двери, с трудом передвигая затекшие ноги и застегивая френч.

- Пришлите счет, - сказал он.

- Вам или в муниципалитет?

Алькальд не взглянул на дантиста. Закрыв за собой дверь и лишь тогда через металлическую сетку процедил:

– Один черт.

В нашем городке воров нет

Дамасо вернулся с первыми петухами. Ана, его жена, беременная уже седьмой месяц, сидела, не раздеваясь, на постели и ждала его. Керосиновая лампа начинала гаснуть. Дамасо понял, что жена ждала его всю ночь, не переставала ждать ни на мгновение и даже сейчас, видя перед собой, по-прежнему ждет его. Он успокаивающе кивнул ей, но она не ответила, а испуганно уставилась на узелок из красной материи, который он принес, скривила губы, стараясь не заплакать, и задрожала. В молчаливой ярости Дамасо обеими руками схватил ее за корсаж. От него пахло перегаром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/gabriel-markes/pohorony-velikoy-mamy-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)